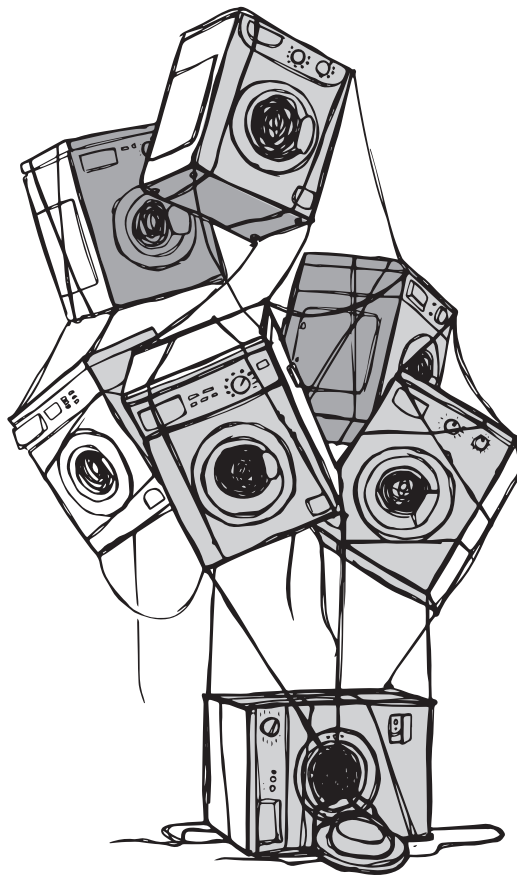
Владимир Навроцкий

Башня из белых стиральных машин



Владимир Навроцкий

БАШНЯ ИЗ БЕЛЫХ СТИРАЛЬНЫХ МАШИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СТЕКЛОГРАФ»
МОСКВА, 2019

УДК
ББК
Н15

Навроцкий Владимир
Н15 Башня из белых стиральных машин; Предисловие А. Александрова.—М.: Стеклограф, 2019.—104 с.

ISBN

© В. Навроцкий, 2019
© А. Александров, предисловие, 2019
© «Стеклограф», 2019

ВЫЙТИ ИЗ БАШНИ

Мы все в какой-то мере то, что нам снится. И не только потому, что, проснувшись, не можем точно провести границу между сном и явью, сколько потому, что наша история, детство, одним словом воспоминания — это тоже сны, не совсем настоящая, отчасти придуманная реальность. Художественный текст, собственно, такую другую реальность и создает. И чем ближе автор подходит к «настоящести», тем яснее видно это несовпадение, разница в контурах и деталях.

У Владимира Навроцкого получилось поэтическое путешествие в эдакое странное зазеркалье, зазеркалье со всеми признаками нашего настоящего и прошедшего времени, с подробными приметами окружающего нас абсурда, с людьми, теряющими человеческие качества, вещами и механизмами их приобретающими. Поэтическая ткань здесь возникает именно благодаря множественности описаний, имен, отсылок к детству и юности, смешению пейзажа из компьютерных игр и литературных цитат, диффузии бюрократического новояза. Все слишком узнаваемо, но перепутано местами, как у Кэрролла. Все это не держалось бы вместе, но не разлетается, как колода карт, а вполне себе существует ярко, объемно благодаря воле автора, его ненавязчивому, но цепкому ритмическому рисунку, нарративу, который постоянно перебивается размышлениями-ремарками в сторону — как это работает, правильно ли я помню?

Но, как пишет сам Навроцкий, «Я здесь учителем ОБЖ и НВП / уже тридцать восемь лет, / Я об этой местности всё понимаю». Поэтому кажущаяся растерянность в авторской

рефлексии не должна сбивать читателя с толку, важно нащупать те ниточки, выбрать правильную и бродить по циклам и текстам книги, наслаждаясь и пугаясь увиденному одновременно. Впрочем, можно и поблуждать, для этого почти в каждой мини-главе есть уводящие от главного пути истории, наподобие комнат-тупиков в парковых лабиринтах.

И вот когда ты уже готовишься встретить там минотавра или монстра похлеще, неожиданно ближе к концу книги попадаешь в стихи, где эти чудовища на самом деле оказываются…

Но не буду спойлерить, лучше поразмышляю о том, где на самом деле находится автор в этой книжке, где это «так много прохладного воздуха и тёплого света, / что не оставалось ни места для наблюдателя, / ни необходимости в нём». Вышел ли он из своей башни из белых стиральных машин или остался в ней? И кто мог бы оказаться у него в соседях? Поэты «нового эпоса» Федор Сваровский и Леонид Шваб или поэты, путешествующие по старым картам, но убеждающиеся в своих текстах (явно или неявно), что прежний мир существует только в их воспоминаниях? У стихов Владимира Навроцкого есть родство как с первыми, так и со вторыми, но помимо этого есть и своя, узнаваемая внутренняя музыка, своя поколенческая нота, которая особенно отчетливо звучит в последних стихотворениях книги. И тогда, дочитав до конца и услышав эту мелодию, становится понятно, что сон все-таки закончился, пора с этим что-то делать.

Алексей Александров

Л О К А Ц И И

Этот цикл я написал в конце 2017 года, сразу весь, это именно цикл с сильными внутренними связями, а не набор стихов. Он рассказывает о нескольких местах, которые я много лет вижу в своих снах.

Ф И З И Ч Е С К О Е Л И Ц О

Когда-то я был влюблён в физическое лицо
(«Но это же глупо, глупо!»,—хохочет стальной ЕГРЮЛ)
Там позднее лето, свет, там дом лубяной с крыльцом
А также пчелиный гул.

Вот летняя кухня, холл, оттуда второй этаж
(«Отличная инсоляция»,—важно кивают СНиП)
Ещё пианино, книги, ещё полуночный страж,
ещё половичный скрип.

Конечно, дубовый стол. Возможно, резной карниз.
Потом, граммофонный вьюн на газовой жёлтой трубе.
Да вот же, кленовый лист с просроченной выпиской из
Нездешнего ЕГРП:

На схеме искомый дом повёрнут к реке торцом.
Когда-то я был влюблен в физическое лицо.

КАБАЧКОВО-ЯБЛОЧНЫЙ ЯЗЫК

Я и так прихожу в этот дом, чтоб никто не увидел,
чаще всего ввечеру
Да и днём-то увидеть некому, в округе из глаз-то
только мои глаза
Поднимаюсь в мансарду, цветы меняю, на пианино
пару-тройку аккордов беру,
а какого завода оно, не знаю: здесь ни к чему
приглядываться нельзя.

Может быть, физлицо где-то здесь,
только его
драпировки и отражения прячут.
Может быть, не случайно
яблоки и кабачки
каждый раз разложены в кухне иначе.
Может, мне полагается как-то ответить на всякий случай,
хотя бы сказать «привет»,
Только я кабачково-яблочного языка не знаю,
наяву проверял, интернет говорит,
что такого нет.

ПИАНИНО «НЕГА», ГИТАРА «ИСТОМА»

Эти прогулки дневные! Вьюн и пруды и тропинки,
как у шестой больницы.
Только не у шестой больницы, а там,
в сонных моих локациях.
Спицы стальные, бетонные плиты, неясные птицы,
клевер и медуница,
Здесь хорошо бы влезла акация, но я погуглил,
не было там акации.

Эти визиты вечерние! Шаль, комары, пианино «Нега»,
гитара «Истома».
Ещё обязательно полупрозрачные чтобы везде
драпировки, ленты.
Только у этой девочки наяву не было никогда
деревянного дома,
Да и сама она существовала только отчасти,
и то
в особенные моменты.

НЕ ТО ЧТОБ СЕБЯ, А ТАКОЕ

Нельзя ни к чему там присматриваться,
оно под глазами течет и тает.
Отдельно касается птиц (там это просто «птицы»,
кричат «кар-кар» и летают),
Имён бытовой техники (пригляделся однажды
к кассетной деке,
и «ВЕГА» прочел,
Запомнил и вынес, и больше не буду так делать
ни в жизнь. Ни за что. Нипочём),

Касается также растений (думаешь: «О, вот полынь»,
а оно сгорает в руке),
Стихов из мансардных книг (нормальные,
но невозможно вернуться
на строчку назад),
Ну, про отражения в зеркале каждый знает, хотя
я недавно увидел себя
и ещё себя вдалеке.

Точнее, не то чтоб себя, а такое.
Ну, как бы сказать.
Ну, короче, ад.

НАТЕЧЁТ БУРОВАТЫЙ ПАРФЮМ

Хохочу и стёкла звенят: эхо жертвоприношений
дохристианской эпохи—
Вырастить миллион кабачков и оставить
на тёплых поверхностях летней кухни
Развести насекомых трёх рас, девяти цветов
в макаронах, пшене и в горохе,
На продукты указывать посохом: гней!
(или «гний»? Непонятно. Ну ладно, «тухни!»)

Ты сегодня, наверно, неонатолог, а я у себя танатолог.
Ты сегодня историк моды, у меня же работа
в буром изодранном дачном.
У меня еще много осталось в подвалах незанятых полок,
У меня ещё много в светёлке пяльцев спиц и иголок,
У меня ещё много в сенях кабачков, а октябрь
в этот раз так долог,
Натечёт, хохочу, натечёт буроватый парфюм
под овощ лежачий!

СОСКОБЫ ПОМАДЫ С КОЖИ

Значит, по часовой от окна: стол, резной секретер,
макияжная зона,
Пианино с одними черными, центр музыкальный «Вега»,
диван-кровать.

Если точно, в деталях, знаешь, что́ происходило
одним там утром
в одной из комнат,
То считай, что и сам поучаствовал.

Значит, и нечего горевать.

Но зачем ты хотел участвовать в этом?
да и присутствовать незачем тоже.
Я и так расскажу подробно,
и тогда тебе пусть приснится.

Вот смотри, у меня есть кадастровый паспорт комнаты,
соскобы помады с кожи,
пробы почвы под окнами
и в пакетике вот ресница.

ДНЕЙ ВОСЕМЬ ИЛИ ДЕСЯТЬ

Если там не смотреть на вещи слишком долго или в упор,
не пытаться читать тех книг, не включать в голове интернет,
не испытывать телом пределы (буквально: не лазить через забор),
не ходить не вовремя в серый дом, не искать там тех, кого нет,

Не стараться запомнить и перенабрать в «эверноуте» строчки
из неслыханных песен, звучащих в том доме в радиоточках,
не записывать координаты и потайные названия мест,
не вытаскивать это наружу путём (мучительного) набирания себе смс

Если этих вещей не делать, то там хорошо, как здесь не бывает,
свет отовсюду и тёплый ветер и ранняя осень,
как в одной там кисти и сердца мастера Тора* картине

Я надеюсь, когда всё кончится, каждому/каждой будет позволено
там побыть, походить по округе хотя бы дней восемь
или десять, или скорее
что-нибудь посередине.

* Tor Lundvall

ОБЕЩАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Должно быть, это и называется «обход владений»,
только имеет ли смысл слово «владение»,
если больше никто на эти места не претендует

Вот я прохожу по своим тропинкам, по-над обрывом,
растираю в ладонях верхушки своих растений.
отовсюду свет, и ещё отовсюду ветер горячий дует.

Встаю — и со мной говорят лица стихий
и лица вот этих вот самых мест,
Сгущающиеся из цветных насекомых на уровне глаз.
по очереди: Горячий Ветер, Тропинка К Лесу, Собственно Лес,
Свет-Проходящий-Сквозь —
как будто текстовый из девяностых квест
один и тот же из раза в раз.

Только они не дают указаний, скорее, делятся знаниями
Рассказывают, зачем я здесь и почему здесь всё для меня.
У них на меня есть планы, которые не могут быть
выражены заданиями,
но могут быть выражены интонациями, умолчаниями, опозданиями,
холодными дуновениями, внезапными под ноги прорастаниями,
узорами из разноцветного насекоменного огня.

Они говорят беззвучно, а я молчу со значением,
ещё и окликнут, напомнят, чего я здесь должен бояться
(если коротко: ничего не должен бояться)

Вот только всегда просыпаюсь раньше, чем начинаются
собственно приключения.
В одну из ночей собираюсь остаться и вот уж тогда
обещанные приключения осуществятся.

Г Р Е Й Ф Е Р Н Ы Й К О В Ш

Ты боишься? А я не боюсь
Серебряные провода, дикая пойма,
бетонка от фабрики к шлюзу,
собственно шлюз.
Оранжевые аптечки везде,
пустые обоймы

На вахте лежит рабочего-времени-учёта-журнал
хоть времени здесь и так сколько захочешь,
точнее, сколько захочем
(Как и пространства, впрочем.
как и пространства, впрочем)

Учитывать, значит, нечего, поэтому пуст журнал
и снаружи ал
А разворот ослепляюще-белый
в мелкий синий кружочек

и на обложке прочерк
с обеих сторон прочерк.

Тут был склад.
Склад щас пуст.

Столбы из каменной соли,
Сгоревший куст

Ты боишься? А я не боюсь.

(Грейферный ковш нависает над нами,
но уже никогда не сделает «кусь»)

КАК ЭТО БУДЕТ

Я еще раз хочу подчеркнуть, что в том доме везде драпировки.
И отдельно отмечу, что ноты, табакерки и клавикорды.
И не лишним будет сказать: на веранде рядами
леруа-мерленовские коробки,
Из которых неспелые овощи тянут слепые морды.

—Всем привет! Там на улице late november, что-то вокруг нуля.
Не совсем подходящее время для существования белковых тел!

Да когда вы успели.
Я ведь только пришёл, заварил себе
кружку пуэру, на вкус как земля.
Да когда вы успели,
это что ли пока я в кашне и с ладошкой у сердца
в окошко глядел?
Кабачки за пятнадцать минут успевают вызреть
и в перегной перезреть.
Успевается спрятаться и раствориться в тюлевых
лабиринтах
искомым людям.

Думаю, этой сценой со мной через сон
говорит смерть:
показывает, как это будет.

С НЕВЕСОМЫМИ РЮКЗАКАМИ

Мы прошли сюда с невесомыми рюкзаками
От Прокола пешком ногами, туда на «Салюте» и «Каме»,
А могли бы за чаем сидеть в деревянном дому,
Говорить про всякое странное и непознанное.

Но оделись, обулись, пошли и смотри-ка:
нашли это место сами
за рекой Ымлаок, за поляной имени Ленина, за лесами,
укрытое в складке местности и потому
не разграбленное и не обосранное.

Поднимемся на диспетчерскую,
распишемся за посещение
в прошитой и опечатанной
секретной тетради

И скоро, в Доме, напьёмся
Чаю из чашек с зайчатами
с сырым юбилейным печением,
А также с конфетами «Радий».

КАК СВЯЗАНЫ ЭТА МАШИНА И ЭТОТ ДОМ

В рамках этого цикла я говорил о туманном и сложном,
но сейчас расскажу о простом:
нет ничего трогательнее «ауди» сотой, «селёдки»,
облепленной мокрым осенним листом
ах, на сиденьях ее чехлы из вымпелов с Лениным,
алый бархат и жёлтая бахрома
ах, вундербаум под зеркалом выдохшийся,
так и не знаю, кстати, что там за аромат

(Единственное непонятно: как связаны
эта машина и этот дом)

Некоторое количество мягких игрушек
лежит на заднем сидении,
просто игрушки лежат:
тетрис классический сорок-в-одном,
ограниченный выпуск киндер-сюрприз медвежат.
Эта машина серебряная всегда стоит заведённая:
то у забора, то у калитки, то возле крыльца.
Ясно, что это машина отца.
Но не моего и не чьего-либо в доме,
а просто отца.

(Было бы здорово догадаться когда-нибудь,
как связаны эта машина и этот дом)

Я никогда не видел, но знаю его,
как будто прожил за него всю жизнь у него внутри.
Выгон машины из Клайпеды — самое крупное
приключение в жизни,
но он не рассказывал никому.
Я не встречал его ни в полях, ни в Проколе, ни в Складках,
ни на промзоне, ни здесь, в Дому.
Только пока я ключи ищу, там достань
из дверного кармана тряпку:
стекло запотело, протри.

(Кажется, я понимаю, как связаны эта машина и этот дом).

ПРЕДСТАВЛЯЮ СЕБЕ ЭТОТ ЦИКЛ

Представляю себе этот цикл о пятнадцати текстах
Плотной книжкой, квадратом со стороной девятнадцать.
Иссечённый картон, чтобы каждая сцена и место,
как в истории, помнишь, «Поехавший шар из теста»,
поднимались объемной картонной цветной декорацией.

Через каждые пять страниц голубая пластинка
с тихим солнечным эмбиентом про углеродные формы жизни.
Лоскуты драпировок из Дома, чтоб трогать щеками.
Кабачок, пересушенный до состояния камня,
чтоб котята и дети читателей сладкие камешки грызли.

Вшитые образцы фольги и фантиков от конфет «Радий».
Листья неясных растений. Из-под тарена пенал.
И ещё иллюстрации: дом, пианино, кухня, усталая «ауди»,
граф из пятнадцати текстов-вершин, вот у меня в тетради,
сложный, но всё же планарный, я его уже нарисовал.

На одной из пластинок помимо эмбиента про солнечные поля
можно ещё записать какой-то построк.
Впрочем, всё это избыточно,
есть ведь уже этот текст из девятнадцати строк.

ПРОТИВОГАЗЫ НА ЦЕЛУЮ ШКОЛУ

В этой части убежища противогазы на целую школу,
хоть школы и не было никогда.

Дальше по коридору — а впрочем, нет:
это тайна моя и радость, они не для вас.

Ярусом ниже — печенье, конфеты «Радий», тушёнка,
ржавая питьевая вода.

В этом шкафу запчасти от ласточки, то есть селёдочки,
здесь это редкость, поэтому вот запас.

Эти энергощиты запитаем, когда из Разрыва по Складкам
ПОЛЕЗЕТ ВСЯКОЕ
на человечий запах, тепло и свет.

Эти плакаты про атомный взрыв и чуму и зарин
понесём от несуществующей школы
на первое мая

Я здесь учителем ОБЖ и НВП
уже тридцать восемь лет,

Я об этой местности всё понимаю.

В С Ё

Только начал описывать эти локации, перестал туда попадать.
Может, и хорошо.

Получается, обменял родные места на горсточку лайков.
Неплохая сделка.

Этот текст должен всё заплести и хвосты подрубить,
только я не нашёл

Тех объектов, к которым направлены оставшиеся
Меловые стрелки

Складки местности, дом, кабачки, пианино, промзона, тюль:
Странный набор

У меня ничего из этого не было (разве что кабачок.
«Гинденбург», прости)

Я хочу всё же кое-кого отыскать в обреченном дому,
из убежища вытащить всех,
и до выброса спор

(или что там: побеги, тентакли,—пойдёт из разрыва)
в селёдочку всех усадить
и в зенит увезти.

Т А Б Л И Ц А В Е Щ Е Й

	вещь	вхождения															вхождений
а)	дом	1	2	3	4	5	6	7			10	11	12	13		15	12
б)	физлицо	1	2	3												15	4
в)	кухня	1	2			5					10	11		13			6
г)	пианино	1	2	3							10			13		15	6
д)	кадастр	1					6										2
е)	мансарда		2		4												2
ё)	цветы и растени		2	3	4			7	8					13			6
ж)	драпировки		2	3							10			13		15	5
з)	отражения		2		4												2
и)	кабачки		2			5								13		15	4
й)	имена предметов			3	4		6					11				15	5
к)	не присматриваться				4			7									2
л)	аптечки									9				13	14		3
м)	промзона									9		11	12		14	15	5
н)	разрыв (прокол)											11	12		14	15	4
о)	складки местности											11	12		14	15	4
п)	тетрадь											11		13			2
р)	печенье											11			14		2
с)	радий											11		13	14		3
т)	машина												12	13	14	15	4
у)	обэжешник												12		14	15	3
ф)	пластинки													13			1

З Е М Л Я Н О Е

Этот цикл составлен из некоторых стихотворений разных лет (примерно 2012–2016), которые объединяет одна тема: земля, земелька, глина, чернозёмчик, супесь, подземные ходы, в общем, понятно.

О Б Е Р Е Г

Я не могу, чтоб стихотворение было само по себе
и не выполняло полезной работы
Пусть это óберег будет хотя бы,
или речёвка для созидательного труда
Мы, например, виноград собираем,
давай же ритмично читать чего-то.
То есть, какой виноград, что за бред,
мы же землю копаем,
Землю — копаем — лопатой.
Ну да. Ну да.

Вырыли нашу яму: сорок одна минута
Мы молодцы с тобою, теперь становись сюда.
Впрочем, чего это я,
снова я всё перепутал
Это же мне на краю вставать.
Подожди.
Ну да.

З Е М Л Я Н О Е

Когда раздавали темы
для сочинений, я
Надеялся воздух вытянуть
(или хоть воду взять)
Но выпала — чёрная, волглая,
с камешками — земля.
Холодная горка в горсти,
и корешки висят.

Зато — я подумал, выщипывая
фрагменты гнилой травы,
выбрасывая черепки
из песка с перегноем —
Никто не позарится на мои
ямы, овраги, рвы
и тихое
тесное
тёмное

хладное
земляное

И ныне, куда б я ни шёл
(а я не хожу никуда),
Рюкзак штурмовой беру,
в котором всегда со мною:
Мой внутренний паспорт, карточка «виза»,
мазь «золотая звезда»
И — в пачке от «магны», для целости —
чёрное, земляное.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р

У Дженнифер дом, небольшая лавка: соль, бакалея, мыло
приходится биться, приходится помнить
полсотни разных вещей
вот только в подвале чуть-чуть повело несколько кирпичей
А впрочем, стена и без них стоит, забила назад, забыла.

Потом, через год, заметила — выдвинулись опять,
впихнула. потом через месяц — лезут и лезут, глядь.
Придвинула бочку. Ну вроде бы держит. Что бы ей не держать.

Назавтра спускается Дженни в подвал — бочка в другом углу.
И дырка в стене, и три кирпича лежат под дырой на полу.

А меж кирпичей, лежащих ребром
в вершинах равностороннего треугольника,
земля благородно-серая, с праздничным отблеском,
комками диаметром с голову школьника.

И Дженнифер смотрит на землю
и видит, что жизнь прошла,
а как бы и не было, словно бы, девочки, вовсе и не жила
бежишь, говорю, суетишься, а после
нечего рассказать,
но вот: концентрат свободы лежит
для той, кто посмеет взять.

и Дженнифер хавает серую землю, жрёт кусок за куском
Ушла, возвращается (где и нашла-то) с палехским туеском
Бегом по соседям — волшебную землю подбрасывает в дома.

Так в городе Лондоне начинается чума.

В МАНТИЮ

Тут под асфальтом брусчатка
а глубже брёвна
мел
рубероид
ковров перегнивших слой
дальше гранитные плиты, наваленные неровно
синий песок
снова бревна
опилки с золой
Кафель в ассортименте битый
брёвна ещё
брёвна ещё
брёвна ещё
брёвна ещё (в четыре наката)
отходы штамповки
скот скелетированный крупный рогатый

Бетонное перекрытие, изукрашенное смальтой и перламутром
комната с человеком, зелёной лампой, столом, компьютером
Что он там пишет, никак, к сожаленью,
не видно через плечо,
Сколько сюда мы сочились, как майонез в печеночном торте
Думали разузнать о подземных чертогах, аде и чёрте,
Обогатить человечество знанием, и что мы узнали? ничо!

Жалко, напрасно потратили сорок минут
Выдавимся наверх, нельзя же навечно бесплотно растечься тут
Впрочем, у майонеза поверхностного натяженья считай что нет
Значит, наверх никак; значит, пока-пока, белый свет;
Значит, нам путь один: вниз, по трещинкам,
распираемым вечной ночью,
К бессмысленному, неинтересному, мёртвому.
В мантию, в магму, короче.

Р Ы Т Ь Е Ё

Мы должны расселяться как плесень в сыре,
на весь земляной объем.
но живем почему-то как плесень
на апельсине, снаружи.
Я хочу
чтобы город беззвучный трёхъярусный,
Чтоб чернозёмный дом,
вот лопата, верёва, фонарь, ведро.
Нужно, ребята, ну же!

Земляное моё непроглядное
тёплое мягкое чувство.
Надо вниз, надо вглубь, и ещё, и ещё,
чтоб убежище, чтобы укрытие.
Надо вынуть породу ведром на веревке,
пусть будет чёрно,
пусто.
Надо в землю скорее селиться
и рыть её
рыть её
рыть её
рыть её.

Т Р У Б А

Раскопанная труба согревается солнцем осенним.
Как страшно и холодно ей в земле все эти годы.
Сегодня хотя бы светло, и сегодня ещё воскресенье.
Вчера в этой яме с утра и весь день происходила работа

в оранжевом, также работа в сером, после — работа в синем.
Осталось дождаться Евстахия и Фаллопия, братьев-горнистов.
С утра подойдут, вострубят как умеют: тихонько,
но звонко и чисто,
труба покроется инеем.
Ещё я скажу, что рельеф тут неровный, а наша труба
пролегает прямо.
Ещё здесь какие-то заборы, коровники.
Мама, мы в аду. Мы в аду, мама.

МЕДЛЕННО ДОХОДИЛО

Проснуться и обнаружить, что все исчезли,
никого нигде нет.
Дальше существовать по плану,
подготавливаемому много лет:
питаться консервами,
добытыми в супермаркетах,
избегать отделов с протухшим мясом,
двигаться к морю, меняя машины,
брошенные на трассах.

У моря найти яхту, управляемую в одиночку,
но способную пересечь океан
(если такие, конечно, бывают;
иначе придётся переписывать план),
Несколько лет потратить на поиск оставшихся
(безрезультатный),
исследование (бессмысленное) планеты.
Плавать, ходить, тосковать:
по близким, по разговорам, по интернету.

И тут голоса в голове сообщают,
что ты видел огонь и воздух,
а воды видел даже черес-
чур — но земля обижается;
голоса выводят тебя к ближайшей пещере
или в шахту заброшенную;
в общем, поближе к аду.
И в этом прыще земли понимаешь,
что только сюда тебе все эти годы
и было надо.

Ведь тут — все ушедшие,
сросшиеся меж собой и с породой,
но более или менее
Живые, хоть и по-своему;
и это грибница и матрица, а не могила.

понятно, что все уже десять лет как здесь,
и тут у них общий разум и единение.
а до тебя просто долго доходит,
как и при жизни
медленно доходило.

КНИГА ЖАЛОБ, Т.2

Потому что в предыдущей книжке уже был раздел «Книга жалоб», и в нём, кстати, было больше стихотворений, чем в прочих разделах.

ГРАМОТЫ

Это стихотворение выполняет функцию
охраны/разметки границ.
Слова выстраиваются цепью, охватывающей квадрат:
пост ГАИ, диспетчерская, Рахманинова, пруд.

Почетные грамоты свежевыпущенных учениц
слишком глянцевые и влажные, и скучные, и плохо горят.
А что с ними делать ещё, не оставлять же их тут.

В ларьке продаётся яга
урожая две тыщи восьмого.
Даже фрагментами в три-четыре торжественных слова
грамоты — не горят.

Что ещё сообщить?
Две тыщи восьмой, пруд у диспетчерской: я и пишу оттуда.
В некотором смысле я со своими призраками вечно тут буду.
пусть это будет такой мой маленький тайный ад.

К Р О Н А

Все, кому я
о себе рассказывал,
уже ничего не помнят.

Я рассказал бы заново,
но и сам все забыл.

(Людям, которых и я помню хуже,
чем обстановку их комнат.
Людям которые были-были, и вдруг
удалились от суеты
в космос, в распыл)

Можно, пожалуй, маркером йодным нарисовать
всякие там имена себе на груди,
Или, что то же самое, выкопать неживого котика,
впихнуть батарейку крона,
кричать: «встань и иди»,
Или, что то же самое, выстроить акустический ад
изо всей наличной хозяйской посуды,

Влезть в середину,
Рассказывать о себе
ниоткуда и отовсюду,

В противофазе, со всех сторон,
не слева, не справа, не с фронта, не сзади:
Называется долгая(вечная(смертная)) память,
а ещё содержанье ума во аде.

ПОСЕЛИЛИСЬ В ПОЛЕ РОБОТЫ

Поселились в поле роботы
Без надежды и без ропота
Там и сям торчат из пахоты
полированные лбы

Всё-то роботы сверлильные
Вру, четыре-то валяльные
Все не новые, все тёртые,
героической судьбы

Из латунной стружки фенечки
Из калёной стали ксивнички
тонких проводков хайратнички
ржавь, помятости, клопы.

А о чём эти роботы нам расскажут,
если стукать по ним лопатой?
Поселенцев расспрашивает
наш специальный корреспондент в Пензенской области
Алексей Виноватый:

1. Первый робот:
И тогда я решил: раз не вышло стать
всему этому крепкой частью
(я пытался, но оно как-то мягко выталкивает,
а навязываться не хотелось)
а потом не вышло от этого отклевать и сожрать
завалящий кусочек счастья
(законного брака, дальних выездов, общей могилы,
тонкого и сухого летнего тела)

раз не вышло (я честно пробовал, даже дважды,
а на третий раз чересчур унизительно даже мне)
то теперь я не часть этого, это не часть меня,
просто оно моё
целиком
(целиком, это важно)
вот смотри, под стеклом секретик в земле,
и в ямке, на самом дне:

это лето любви, это лето ненависти,
это над сценами жёлтые тенты
а это вот — стопка дисков —
моя изнурённая ауди-о-фи-ли-я
(в последнее время протекает латентно)

я это окошко раскапываю каждый день
сначала левой клешнёй, а потом
победитовым грубым резцом
и всех, кто на донышке ямки стоит
(невзаимно, конечно)
я знаю в лицо

2. Второй робот:
Я сверлил. Говорят, что когда я сверлил,
то при этом тихонько пел.
Говорят, я неплохо и жалостно пел
о тихих, смешных, одиноких
Вот для них и старался. И бросил сверлёж.
и ещё один робот играл на трубе.
А теперь я пою о себе про себя.
У меня тут, простите, не караоке.

мне не хочется больше тебе (и тебе)
рассказывать о тебе (и тебе).

Н О В О Л Е Н И Н О

Предположим, тебе удалось любимых собрать, и пусть это будет
Круглосуточный садик, район Новоленино, спальня, полночь,
В одеялах, лохматые, сонные, близкие тёплые люди
Все, которых ты помнишь, такие, какими помнишь.

Вот такая твоя механическая отрада:
В чёрной комнате ненаглядные и невидимые шепчут:
«Как дела? Что печальный такой? Может, что-нибудь надо?»
Отвечаешь: «Да я не печальный. Кроме вас, ничего не надо.
Мне гораздо уже легче».

Четверговая соль просыпается с улицы в тонкие щели
Неразумный ты мальчик, всё слушаешь и не слышишь
Под кроватями есть и пружина, и валик, и молоточки
Эти люди не дышат: солью никто не дышит.

Молоточек в подошву—спасибо на добром слове
тёплый шёпот слоями обугленной солью просыпан
Люди в коконах белых расселись у изголовья
«Мне гораздо легче уже. спасибо, спасибо».

Н Е В Е Р М О Р

1.

С серебристым сидиплеером из Южной Кореи,
С пачкой дисков самописных, с мешком батареек,
С полной сумкою журналов «Компьютерра», «Птюч» и «Ом»,
на «Икарусе» двести пятьдесят шестом,
как следует полуденным солнцем согретом—
Хорошо приехать к бабушке на целое лето.

Познакомиться с соседской девочкой Олей,
слушать музыку в огромном подсолнуховом поле:
каждому по одному наушнику,
(или как правильно, по наушников половине?),
от ливня укрыться в заброшенном
элеваторе или, не знаю, овине.
И на почве любви к ансамблю «Воскресение»
ощутить единство душ и плоти веселие.

2.
но мертвы все наши бабушки, включая двоюродных
их дома прошли по сделкам в несколько уровней
И недавно только выкуплены из-под залога
За комбайн и за измученный «рено-логан».

3.
(Живут ли в этих домах,
И если живут, то зачем, зачем?
Что мой электроный ворон скрежещет,
сидя на левом плече?

что означает твоё «неверморе»,
тупая ты непереведённая птица?
и без тебя понимаю (горе мне, горе):
чего не случилось, то не повторится.

ГЛАВНОЕ В ДЕТСКОМ САДУ

Главное в детском саду — не кубики, не посуда,
Не тихий час, не хромированная кровать,
Главное — ощущение, что тебя вот-вот заберут отсюда,
А если начать обживаться, могут и не забрать.

Ч Е Й З

1.
Лет двадцать назад я владел двухметровой полкой,
Наполненной книгами авторства Д.Х. Чейза,
Так там по широким проспектам в огромных машинах
летали мужчины-волки
И к женщинам-лисам входили в дома, гремя
вороненым железом.

И женщины им наливали немедленно
полный стакан бурбона,
А я и не знал тогда, что бурбон это просто вискарь
(и не лучший вискарь, принцесса)
Ещё они шляпы носили, а вязаных шапок отнюдь
не носили с помпоном.
А также крутые свои плащи они не таскали с алиэкспресса.

Простая прекрасная жизнь: прийти,
накатить вискаря со льдом,
забрать у несчастной женщины
случайный ненужный труп
Вернуться, поднесть зажигалку к белеющей сиге
в угол алеющих лисьих губ
На «бьюике сенчури» ехать потом в закат,
Который волку еще и дом.

2.
Немногословные люди в шляпах
легко заменяемы и неразличимы.
Они и сами об этом знают, поэтому им
себя вообще не жалко.
В этой игре важнее всего,

чтоб твой труп не достался копам,
—Лучше пускай он будет
где-то в лесу прикопан!
—Лучше пускай иссохнет
В автомобильной свалке!
Это святое правило и соблюдают утилизирующие
друг друга мужчины.

3.
А в мой багровый лачетти, в багажник,
поместится, кроме инструментального ящика,
разве что мёртвый крот.
Вместо волыны в пальцах—
рассыпающийся код.
Вместо бурбона в олдфэшне—
«АЦЦ» в минеральной воде.

что я сделал не так.
где моя настоящая взрослая жизнь.
да хотя бы Чейза-то книжки где.

ТЕПЕРЬ УПАДИ В БОЛЕЗНЬ

Теперь упади в болезнь,
но перед собою брось
Подушку, платок и плед,
и мятных таблеток горсть
Теперь осторожно в плед
и в кокон и в бред залезь
И дальше, винтом и вниз,
проваливайся в болезнь.

А вынырнешь в солнечном
снежном безветренном поле
Своей постели, тёплой и невыстуживаемой,
в середине
По диагонали, но можешь и поперёк,
пока всё равно один, и
кстати, заметишь ли, тут
нет существительных боле.

Вот и твои ожидаемые появляются,
издали машут лыжными.
В крепких заплечных нейлоновых
несут они разное:
Чилийское цилиндрическое
полусухое красное;
Огромные марокканские
сладкие круглые рыжие.

Ш Т А Б И К

Разве бывает такая вещь — неловкое молчание?
Молчание ведь всегда ловко, уютно, уместно.
Построим из кресел и пледов, с любовью и тщанием
Молчательный Штабик, в котором тепло и тесно,

В котором тарелочка: виноград, грецкий орех, урюк;
В котором бутылка «джеймсона», несколько разных кружек;
В котором четыре наших макушечки, восемь рук,
А ноги и туловища не помещаются, они снаружи.

И тут же, внутри, из игрушечных стульев
и носового платка
Такой же, но крохотный штабик,
в масштабе один к сорока,

Двести кубических сантиметров
темноты, полусна, покоя.
Место, в которое нам нельзя,
вот что это такое.

К Р А Е В Е Д Е Н И Е

Здесь до середины стихотворения про Свинтрест: район, в котором мы жили мы жили с 2011 по 2015. В основном он состоял из двухэтажных домов и сараев между ними (ныне частично расселённых и снесённых) и нашей единственной новостройки (сейчас есть ещё несколько). Улицы там называются примерно так: Токарная, Слесарная, Галетная, Индустриальная. Там по-своему мило. Стихотворение «Запрудный», соответственно, про Запрудный, это совсем другой район, тут девятиэтажки и огромная, в восемь этажей, библиотека им. Лермонтова, и видна трасса М5, и пруд у Шестой больницы.

А У Д И

В двухэтажных дворах рядом с железной дорогой,
где сырые листья на ауди сотой (ещё не бочке),
где верёва с бельем висит (незаметно потрогай) —
Оставляют игрушки в песочнице на ночь, а иногда

и на несколько лет, потому что приехала дочка
с неизвестным на А4, и собрала внучат
в полчаса, и уехали не запомнить куда.
Ну, звонят, обычно под Пасху. Хихикают и молчат.

Л Е Н Т А

Но сколько магнитной ленты хранили
жители этих мест!
На чёрных деревьях, столбах, проводах —
шуршание, трепет, блеск.
Я в детстве планировал, знаете, стать
(теперь-то, понятно, нет)
Снимателем-с-веток, спасителем звука,
распутывателем лент.

Но плёнка на сгибах обшаркана пыльным
ветром, отмыта дождём.
Поди разбери что там было:
Шизгара? Аркадий Норильский?
Младенческий смех?
Порадуемся за тех, кто от этой работы —
распутывать звуки —
освобождён.

Иными словами, порадуемся за всех.

СОРТИРОВОЧНАЯ

Тем летом ночами над сортировочной
кричал голос Родины неразборчивый, но уверенно-злой.
(Теперь не кричит почему-то. Наверно, в рациях
сцепщиков шепчет)

Тем вечером пахло полынью и креозотом,
концом санитарной зоны, золой.
И запахи наливались, ветвились сердечной и шлейфовой нотой,
становились богаче и крепче.

Тогда было пусто на всех путях, и синий везде горел.
Прохожий считал семафоры и звёзды
с пустого стального,
растянутого над путями моста.

В минуту, когда семафоров и звёзд стало поровну,
запах созрел
и стал невозможен, и голос диспетчера
нечеловеческим стал.

И Родина голосом алюминиевым перегруженным
прохожему рассказывала о своём.
Синими огоньками стеклянно и пристально
заглядывала в глаза.

Потом говорит:
—Полезай на мой нос, расскажи о себе,
а после давай споём.

(За что она так нас теперь ненавидит?
Что ты такого ей о нас рассказал?)

К Р А Е В Е Д

Кажется, исчезает очарование района:
его обитатели не хотят быть деталями
меланхоличных текстов,
тем более их фоном:

Не одеваются в шерсть и в брезент.
Ездят в центр на работу,
а не ходят вот тут же на фабрику по гудку.

Никаких там визитов «дай соли, сосед»,
домино по субботам,
гаражных распитий и разъеданий
бычков в бычковом соку.

Кажется, местные между собой общаются
не больше, чем мы с соседями
(а мы только раз
поздоровались с кем-то в лифте,
и потом этих новых знакомых
за год ни разу не встретили)

но чем заменить лавочки с разговорами
и столы с домино, которого нет?
Ну давайте, давайте все скажем хором:
Любому району
необходим краевед.
(Это бывший учитель труда, Виктор Егорович,
населяющий комнату, где вместо обоев карты
и вырезки из экзотичных местных газет)

Краеведова комната встроена в первый этаж
барака (любой покажет) на Индустриальной.
Там висят четыре карты района:
геологическая, политическая, почвоведческая
и совсем непонятная, которую он называет «реальной».
Завожу диктофон в мобильнике,
спрашиваю о карте,
понимаю, что Виктор Егорыч,
как все увлеченные люди,
не очень нормальный.

Он рассказывает о расстановке сил на районе,
тайных знаках,
грозных событиях,
как бывших тут ранее,
так и тех, что ждут своего совершения.

Примечаю, что вырезки сделаны
из рекламных газет,
поперек колонок,
с обрывами строк,
и не имеют к району и страшным рассказам о нем
вообще отношения.

А рассказы ветвятся, кольцуются.
Я обещал вернуться домой
к семи, а уже девять.
Господи! говорю. Зачем я придумал Виктор Егорыча
и что с ним теперь делать?

В И Л Ы

Вот что колотится в голове, с умеренной, впрочем, силой,
примерно как ложка в вагоне о край стакана:
—Колодец, в котором, возможно, когда-то хранился силос,
но не было никогда потерянного нагана

и других интересных штук, например, заколотого
вилами деревенского дурака;

—Красный пластмассовый стул с надписью «кока-кола»
из пивного шатра, один из ста сорока;

—Ваза, в которой ни разу не было розы, ни разу
даже гвоздики (выброшенная по ненужности,
без слёз, без разбития);

Всё, что желает быть сказано, но не стоит рассказа.
Всё, что существовало, но не участвовало в событиях.

Всё, что просит быть вспомненным,
но этого не заслуживает.

Это теперь моё дело.
Я понял, зачем я нужен.

Ж Е С Т Ь

Неужели из мира с концами ушло искусство
Гравировки по жести: сраженья, заводы, сады;
Хлеборобы и девы, в глазах у которых пусто,
но в ногах, но в грудях — мегатонны мясной красоты;

Сталевар увлечённо тычет в огонь кочергой;
Аспирант глядит в перфоленту с неясной тоской.

Иногда я прикидываю, как это —
жить в рабочем посёлке,
Оформиться художником-оформителем
в местном клубе,
Из фольги и картона скрафтить
цепь на фанерном дубе
И плакаты к индийским фильмам,
И фонари для ёлки, —

То есть быть, получается, светочем
и богемой (какая уж есть).
Умеренно выпивать.
Кернить послушную жесть.

При этом, заметь, никакой за это награды:
Ты принёс к алтарю Культуры половину себя
(Субпродукты, рёбрышки, шейку),
А Культуре это не надо.

Пусть Культуре не надо —
но в жестяных городах,
жирных пастбищах,
строгих лабораториях,
тучных стадах

Перезрела уже благодарность
к создателю этих мест—
И они собирают Совет октябрьской ночью
Из доярок и астрономов,
моряков, чабанов и рабочих,
и художнику посылают
красну девицу, хлопкоробицу,
победительницу состязанья невест.

В полуночной столовой с неспящим художником
гостья, она же посланница,
из настенного украшения выламывается,
вырывается.

Желает железная женщина
художника сжать в объятьях,
Стягивает через голову
жестяное тугое платье,

Но при этом, естественно, веером
разлетаются клёпки,
И четыре из них застывают
в его черепной коробке.

И когда обитатели стенки
разглядели в столовской мгле,
Что создатель лежит убитый,

То случился торжественный траур
по всей жестяной земле,
и в небе, и на орбитах!

И колосья вплетались в бедовую голову,
волосы стали проволокой,
И колёса броневика скользили,
и гроб металлический волоком
Подтащили к обрыву, где шли пароходы,
крича человеческим голосом.
И нельзя было разобрать, где ленты,
где гроб, где венки, где волосы.

А потом над артистом играл отбой
самый правильный пионер.

А потом карьерные самосвалы
Тело свезли в карьер.

З А П Р У Д Н Ы Й

Ночное Арбеково, натриевые фонари, бликующая вода.
это место называется Запрудный,
но оно расположено с *этой*
(где пишется текст)
стороны пруда.
За прудом оно
только если смотреть с трассы М5
(что за манера так вот
проездом на фуре
чужие места называть)

Видели цифры, тыща четыреста с чем-то,
на железной двери гаража,
видели ближе к Проспекту в кустах живого шуршащего
паникующего ежа,
видели шестнадцатиэтажку с контрфорсами и бастионами.
О, это ночная Пенза, детка, с ее атмосферой, а также законами.

Напоследок легким усилием воли и вы-
водом точки, где собирается текст, вовне головы
поймал ощущение, что Арбеково тянется далеко-далеко,
и продолжается лето,
и что там, через двадцать минут
тропинок под рыжим фонарным светом
за тополями, девятиэтажками, садиками, гаражами
беседка, в которой нас ждут друзья воображаемые,
тусовка, в которой можно «гражданку» попеть,
а можно молчать, улыбаться

Им всем примерно по двадцать,
и нам в общем тоже примерно по двадцать

Волшебство продержалось минуты две и улетело за трассу,
его уже не вернешь
ну что ж, и за это спасибо,
спасибо, пруд у шестой, дозорная башня,
напыщенный ёж.

Р У Л О Н

В помоечном гэдээровском кресле кто с утра сидит у подъезда
на тихий остаток жизни кому тут щедро начислено
треники с самыми мощными в районе пузыриками на коленях
олимпийка в пятнах июньского солнца в тополином бреду

столы во дворах на каждом отмечено золотое ему место
покинул кресло вышел во двор скликает обитателей мысленно
и лебеди из покрышек и медведи вискозные и стальные олени
к нему собираются, все к нему придут

вся жизнь в этих дворах, на кого их оставишь?
молодые не вытянут, не захотят
но слышим, от стыка домов зовёт Прекрасно-Далёко:
а выйдет ли Коля
и там не то чтобы свет, а сгущение пуха, щекотно и ярко,
так, что ресницы зудят.
Он выйдет, конечно, вот изопьёт принесённого неживыми
зверьми алкоголя,

вот съест за столом доминошным добытого неживыми
зверями сырка
и вместе с Прекрасно-Далёко поскачут к проспекту,
два ранца, в руке рука.

Сейчас, вот сейчас пойдёт Николай. Только свернёт
поплотнее в рулон
свой двор, трансформаторное строение, садик и школу,
вообще весь район.
Оставить же не на кого, и лебеди соглашаются,
упруго кивают: молодые не тащат.
медведи рычат одобрительно, олени копытами бьют
глаза из рулона таращат.

ПРЕКРАСНОЕ (ДАЛЁКО)

«Москва-Кассиопея для простых ребят из нашего района»
Борис Белокуров

СОБАКАМ

но когда ты проникнешь в секретные сети города
через пару витую, припаянную к трубе, по которой течет газ
полагаю, тебе уже незачем будет на связь выходить
с оставшимися снаружи

понимаю, что мысли города гораздо сильнее наших
и летать по трубам, по трассам, по кабелю веселее
в тысячу раз
и никто из тебя снарядивших больше тебе не нужен

только знай: среди труб, проводов,
цистерн, городских клоак,—
что мы всё-таки ждем от тебя сообщения, ясного знака:
разговаривает с нами город посредством своих собак
или просто город молчит и нам и чужим для него собакам

К В А Д Р О К О П Т Е Р

Отстранённость, бессубъектные тексты,
лианозовская школа.
Надо найти на Авито железный вокодер,
читать стихи голосом робота, из-за кулис.
Или лучше купить квадрокоптер,
летать над арбековским лесом
апрельским голым
До Валяевской трассы; к локаторам;
чуточку вверх; и отвесно вниз.

Или лучше динамик прибить к квадрокоптеру,
стихи зачитывать голосом робота.
Прямо этот вот текст и рассказывать,
а какая разница вообще.
Над безлюдным Арбековским лесом
Слово Лирики пусть разносится,
Пробуждает душу стволов и оврагов
и прочих лесных вещей.

Или пусть даже два квадрокоптера
с динамиками в противофазе,
Чтоб Слова Пустоты над лесом
отовсюду и ниоткуда.
Лишь бы не было реципиента в лесу:
ни лисы ни кота ни енота
ни уха ни глаза
И тогда получается хэппенинг
или попросту чудо

Р О Б О Т О Т Е Х Н И К А

Достаточно одного робота,
который умеет собрать
второго и третьего,
Которые соберут других роботов
и так далее,
Чтоб осенью выпустить первого
в дачном массиве,
платформа Ахметьево,
Увидеть: Кузнечик-1 проник в ближайший хозблок,
Наполненный тяпками, шлангами, телевизором «Темп»,
листовой нержавеющей сталью.
Обратным электропоездом в город,
в городе зиму ждать,
Шестого апреля стоять на балконе,
смотреть, как с окраин идёт
Стрекочущих, стрёмных, скрипящих и ржавых
Кузнечиков-3 и -5
Волна (то есть гад механических попрыг,
качение, ползз и ход)
И се: их на улицах столько же,
сколько тут только что было снега.
А в городе же антресоли в хрущёвках,
плюс барахолки,
плюс залежи лего
на складах лего
плюс залежи лего на складах лего
плюс плюс залежи залежи лего лего
на складах на складах на складах лего

ПОЛКОВНИК САНДЕРС

из кейэфсишного баскет дуэта пытался построить курицу,
Новую субкультуру придумал, довольно теперь щурится,
щурится и приговаривает: ай да я, творец субкультур, молодежный гуру,
сел и придумал брендбук и гайдбук и миссию и структуру.

из кейэфсишного баскета курица вылезла и ползёт,
картофель по-деревенски расталкивает, в жиру скользит.
родина за окном гонит к сердцу цистерны, везет мазут,
пустые цистерны от сердца откатываются назад.

из самых простых сетевых будут носить шмот,
друг друга звать по id, вразброс, от миллиарда и выше,
хавать антиорганик: сойлент, белок, расторопши шрот.
музыку слушать только ту, которую сами тут же запишут.

«Гости из будущего». Нет. «хозяева будущего». Да!
хозяева будущего, надо запомнить, это находка.
Курица доползла до творца, сгруппировалась и ПРЫГ!
всеми шестнадцатью крыльями ему раздирает глотку.

Л Е Й З

Я помню время, когда ещё
«Лейз» фасовали в Польше,
И помню джин-тоник очаковский,
лет за пятьсот до яги.

Природе я верю меньше,
химкомбинатам больше,
И им присягнул, и никто
не видел моей присяги.

Я там, где Природа и Родина
поют над станцией ночью,
где Родина по карманам
рассовывает цистерны

С дарами Природы и Химии.
И, уложив, бормочет
Над ними, диспетчерским голосом,
смазанным, медным, нервным.

На станции пересменка,
и синие светофоры
На всех путях разрешают
манёвры, рейв, веселиться.

Верю что Будущее
— с нуль-транспортацией,
— небоскрёбами,
— монорельсами,
— звездолётами,
будет скоро.

Лиловая яга в венах моих,
как будущего частица.

З Я Б Л И К О В О

Итак, приходи: между Марьино-8 и Зябликово-15/тета,
От съезда с пятого МКАДА в одной минуте полёта —
Огромное поле никому не нужных предметов,
Последняя в мире работа для тех, кто любит работу.

Здесь собран контент антресолей ЮВАО-4, его гаражей и лоджий;
Всё, найденное в подсобках, складах, грузовых терминалах, фурах.
Металлопрокат, торшеры, лонгборды, диваны из грубой кожи,
Обрезки досок и оцинкованного листа, ящики крепежа, фурнитуры.

Гора пятитонных контейнеров от неба и до земли;
Башня из белых стиральных машин; башня из красных бочек
Из этого горького скарба мы строим космические корабли:
Кто хочет, на них улетает. Наша бригада не хочет.

ЛЮДИ ЛУЧШЕ ВСЕГО

(*смотрятся не в окопе, не в беге и не в казённой вагонной постели*)

НАБЛЮДАТЕЛЬ

самое тихое серое облако
медленная бескрайняя радость
накрывает последнего наблюдателя
и ему ничего не надо

наблюдателю легко и светло
у него есть важное дело
смотреть на плиту под ногами
шептать в шлемофон
что серый бетон становится
нестерпимо белым

П А Л Ь Т О

Носители городской культуры покупают к весне пальто,
Толстенные, чтоб текстура плетеной шерсти
была повиднее,
Хотя на весеннем ветру в этих *польтах* вообще не то,
Они, если честно, уютнее выглядят,
чем действительно греют.

Теплее всего, если что — камуфляжные пуховики,
Которые отливаются, видимо,
прямо из нефти на химкомбинатах
и в тематических лавках стоят совсем копейки.

Но *польта* — не для тепла; это просто отсылка
к межвоенному городскому укладу,
Где люди друг другу были — не лютые волки,
а жадные хомяки.
(Кофеенки тоже отсылка.
И, не побоюсь этого слова, капкейки).

Другая отсылка, неочевидная:
к аккуратным рядам из куч городской одежды.
Одиннадцать в ряд, восемь рядов,
на отдельной площадке, устроенной между
Медицинским бараком и плацем.

Никто не желает в этих процессах утилизации шмоток
работать объектом, терпилой.
Поэтому тех, кто гоняет на камуфле,
чтоб хоть так, у себя в голове, частью Правды и Силы
символически оказаться,

не буду судить.
Впрочем, стиль и одежда
это детское всё, понарошку.
Туда, в операторы мясорубки,
принимают не по одёжке.

ЗАПИХИВАТЬ В МЯСОРУБКУ

Иногда я брожу в раздумьях по Пятнадцатой Новой могиле
эти люди столько могли бы нам рассказать, а мы их убили
Стреляли в лоб калашами, рубили шашками шеи
Недоубитых сталкивали кирзачами назад в траншеи.
Удивительно, как прочно некоторые держались в теле!
А теперь мы без них как будто осиротели.

И никто не додумался просто спросить и внести в протоколы
Кто такие «румяные» «гимназистки»,
как правильно смешивать
ром с пепси-колой,
Чем в фамильном имении пахнет туман, пришедший с реки
Если праздник и лето и свечи и полночь и над столом мотыльки.

Какой журнал котировался выше, «Ом» или «Птюч»?
Погиб ли Горбовский в прекрасной книжке
«Страна фиолетовых туч»?

Подумать только, мы трогали
носителей этого знания,
могли с ними поговорить,
И только потом их запихивать в мясорубку,
толстокожие мы идиоты,
и только потом варить.

Д О М В Л Е С У

Это похоже на дом в лесу, смотри-ка, действительно:
дом в лесу
В лес от строения далеко-далеко протянулась нора с кротом
Что я ещё разместить собирался, что я сюда принесу
Сяду на крыше и буду недвижно смотреть на лес и на дом

Я ведь могу добавить в сцену что угодно вообще:
Хрустальный космический корабль, полный волшебных,
пока безымянных,
вещей:
Лето. Жирафы.
неслыханный праздник.
межпланетная гаражная распродажа.

Но нет, я не хочу чрезмерных чудес.
Нужно умеренной интенсивности,
но масштабное чудо. Скажем,
заснеженный чёрный лес.

Как говорят в народе, счастье не в счастье,
а в бесплодном плотном труде.
Мне же, напротив, кажется: счастье — сидеть внутри
разреженного огромного чуда.
Кто-то может подумать, что я в этот лес, в этот дом
забыл добавить людей
Я же хочу ответить: нет-нет, не забыл, но теперь —
обязательно, специально забуду.

С О Л Я Р И С

Виктор долго-предолго едет, сознательно
не заглядывая в навигатор,
На развилках из двух дорог выбирая ту,
что пуще богата
Ямами, разнотравьем, латунной гайкой,
впрессованной в землю.
Едет Виталий, едет,
«Серебряному дождю» внемлет,

Думает: слишком огромен мир, он прекрасен и яростен,
он не помещается ни в моем мозгу,
ни в антирадаре, ни в регистраторе, ни в телефоне,
Вот я стою пред тобою, Родина,
что я еще могу,
Русский рабочий, сантехник Афоня,

Ладно, пусть не сантехник Афоня, пусть
андеррайтер Григорий.
И не стою, а сижу. Даже еду прям по тебе
в невыплаченном «хёнде-солярисе»
Я же тебе обещал не покинуть в радости, как вчера,
и, как сегодня, в горе.
Так что, если захочешь, то забирай меня, ешь меня,
пользуйся, радуйся

Но Родина Никанора, похоже, есть и не собирается.
Норы ему не показывает, не посылает белого зайца,
Берёзками только качает, плачет грибным дождём.
«Ладно»,—себе говорит Георгий, глушит машину,
включает «Эхо Москвы»—
«Подождём».

Тут камера улетает вверх: «Солярис» стоит на поляне,
Плывущей и растворяющейся в мыслящем океане.
Плывущей и растворяющейся в мыслящем океане.
Плывущей и растворяющейся в мыслящем океане.

А Л Л Е И

Аристарх Никанорович входит по солнечной алой аллее в осень.
Он когда-то искал на себя похожих людей, но теперь забросил:
Если где-то такие и есть, то они не хотят, чтобы их теребили,
А хотят, как и он, раствориться в сентябрьском ветре и солнечной пыли

Аристарх Никанорыч умеет теперь замечать и запоминать
Тех, кто с ним в этом внутреннем тихом сне выходного дня одинаков
По пальто, по походке, наушникам белым, манере листья пинать
И по главному тайному знаку: отсутствию фишек, сигналов, знаков

Ведь когда-нибудь—думает он—все мы увидимся
в бесконечном ортогональном парке
И у каждого там будет собственная выделенная аллея
И на пересечениях встречи случайные
как множественные подарки
—Добрый день!—добрый день!
разошлись навсегда,
и у каждого прямо по курсу что-то алеет

СЕКРЕТИКИ В ТЁПЛОЙ ЗЕМЛЕ

«В лужах шипит карбид, мечта сбывается, так говорит Юрий Антонов»

Светлана Бень

АТТЕСТАТ

Выйдешь во двор, насквозь пробиваемый солнцем закатным,
заполненный солнечной пылью
где пропадал? да как-то одно за другое, в школу ушёл,
в институт.
Вот аттестат, трудовая книжка,
вот свидетельство о разрождении,
подпись печать

Ясно, пошли к беседке, молчат, улыбаются, не забыли
старшие здесь давно, наши по одному появляются,
скоро и младшие подойдут
В этом дворе никто никогда не будет один
(август закат улыбаться молчать)

НЕ УХОДИ ИЗ ПЕСОЧНИЦЫ

Не уходи из песочницы, Тань, сандаликами наш дом
не растопчи песочный; я щас, супа поем, вернусь.
И не вернулся, конечно. А Таня, как мне сказали потом,
дом растоптала, окончила втуз, уехала в Беларусь.

(Надо найти неправильный знак «место для разворота».
Ждите, я говорю. Вернуться — моя забота)

Вера, с работы моей письмо, нужно десять минут.
Не засыпайте, приду, прочту
сказку, убавлю свет.
Десять минут превратятся в ночь, Настя с женой уснут.
Тысячу триста раз — без меня.
Я всё пишу ответ.

(Могут и без меня прожить
самые близкие люди.
Сказку-то я придумал.
Кто её слушать будет)

Знак разворота — багровый фон — выполнен не по госту.
так я и видел во сне. Нашёл.
Все остальное просто.
(Всем оставаться на тех местах,
где говорил, что буду
скоро — и убежал, исчез,
выкрался отовсюду)
Времедвижению сев поперек, прямо в пальто на глину,
я возвращаюсь. На этот раз
я никого не кину.

П О С Ё Л О К

Всё тут пропитано неудачей старостью и тоской
Всё тут пропитано неудачей слабостью и стыдом
Я недолюбливаю поселки я не совсем городской
В северном сером посёлке мой первый дом

Лодка казанка под окнами кверху дюралевым дном
Розовый с рыже-серым гривастый ячмень
Улица Черского, тощая колли, серо-коричневый дом
Дом почти параллельный реке Колыме

Я ненавижу посёлки (знаю за что) (не скажу)
Тянется через сны оттуда в меня толстенная нить
Серая с рыжим собачья пряжа прямо в живот, я лежу,
Сил набираюсь распутать её,
перегрызть, устранить

П А Р К О В К А

Когда Николая убили из-за парковки
В родном дворе
Ключом двухдюймовым, в глухом переулке Покровки
В слепом ноябре,—

Подъезды открылись, и вышли навстречу свои:
друзья, враги
И стали в земле различимы и явны слои
стекла, фольги,

Сушёных жуков, пистолетов, капроновых лент,
цветных камней—
забытых секретных секретиков в тёплой земле
и чуть под ней.

А там, где была парковка, теперь вода:
растаял лёд.
И лето, и восемьдесят шестой навсегда.
—Колян!
Тебя это!
мамка зовёт!

Т Е М П

История семьи как история крупных покупок:
Ожидание нового телевизора, прогрев,
настройка частот руками.
Видеоплеер из комиссионки, в нем кассета
с песней про красавицу-кубок,

Нечеловеческое напряжение сил всей семьи
для покупки стенки,
Потом целый день с отвертками,
холщовый мешочек с болтами и уголками,
Стенка практически чёрная, матовая.
Сейчас этот цвет называется «венге».

(Сам не видел, но какое это было, наверно, событие—
появление в семье аааааавтомобиииииииииля
Если соизмерять масштабы со стенкой,
радость должна была быть такая,
как если бы все вчетвером
Пиночета и Гитлера собственноручно убили).

И потом: это всё частично твоё—не так чтоб наследство,
но текущая долевая собственность, что ли,
Ведь никто же не думал, что вырастет из этого места
и покинет дом, в поисках лучшей доли, боли и воли.

Также никто не думал, что и дом разбредётся, развеется,
некуда возвращаться.
Что ступени богатства сотрутся, ковры на них истончатся.
Что такое—теперь—
набор корпусной мебели 89-го?
Телевизор «Темп» 90-го?
91-го года «Москвич» (экспортный вариант «Aleko»)?

Проржавевший лом и труха,
продукт разгнивания прошлого века.

Ну, «москвич» по утилизации можно сдать,
в этом году ещё принимают,
а куда сдавать устаревшую радость за то,
что твоя семья видаком обладает,

Принадлежит, получается, к среднему классу.
Даже, пожалуй, ближе к верхней его границе.
Эту гордость не осознать, только чувствуешь в животе
её приятную массу.
Она, непересмотренная, остаётся с тобой, с одним,
ещё лет на тридцать,

Хотя ни семьи не осталось той, ни стенки, ни чёрта лысого,
даже фоток, даже хотя бы коробки
от советского телевизора.

Ё Л К А

В самых лучших моих пятнадцати снах—
предметы и расположения, и нет людей.
В четырёх самых лучших
из лучших пятнадцати снов
нет людей, но люди вот-вот придут.
Я хочу рассказать о ёлке,
об ожиданьи гостей.
И о том, как в венгерской лаковой стенке
фужеры и их отражения
гостей заснеженных ждут.

Что такое в огромном салатнике синем
искрится недоразмешанное?
Это снег, холодец, брусника, лимон,
сны, шампанское, хвоя.
Гости сидят за столом, смеются,
но остаются заснеженными.
Надоест и уйдешь, уснёшь,
Но во внутреннем сне
снова ёлка стенка
хвоя брусника снег
и стучатся в стекло
те же самые трое.

ДИДАКТИЧНЫЕ И СУММИРУЮЩИЕ ТЕКСТЫ

С какого-то момента появилась потребность рассказывать, как, кому и что положено делать, и как всё вообще устроено. Сопротивляюсь этому, но, как видно, не очень успешно, а дальше будет только хуже. Хроника пикирующего околоподъездного деда.

БАШМАЧОК

соседи работали на работе,
соседи вернулись назад
ключи, скрежеща, пролезают в железо
и воздух замочных скважин

соседи, похоже, даже не знают,
что жизнь их бессмысленный ад
давай им расскажем, давай, Башмачок,
давай им скорее расскажем!

Ч Ё Т К О

Чётко живут люди,
а мы с тобою живем нечётко.
тенью за тенью ходим
меняем зубные щётки
можно ли нас поймать
в выбранной точке в нужный момент
вроде и можно, но мы размазаны
так что наверно нет

Ловко живут люди,
а мы с тобою живём нелепо.
вышел за хлебом, принёс
всё кроме собственно хлеба
вышел за снегом и небом и вот
принёс наконец-то хлеб
небо забыл посмотреть и ладно
что я, не видел неб

Ярко живут люди,
а мы с тобою живём неярко.
быстрые сумерки, ёлки
заснеженные подарки
это невидные фейерверки
это неслышный бег
глухо стучат колокольчики,
сгустками в темечки падает снег

Звонко живут люди,
а мы с тобою живём шуршаще.
будешь спускаться к миру за хлебом
глянешь в почтовый ящик
пуфик для обувания копит
бесплатных газет пласт
для археологов будущих
от недопойманных нас.

С У М Е Р К И

Когда наступают сумерки, нужно быть дома.
Потом уже можно идти, оголтело (ну, как мы умеем)
буянить в ночи,
И, знаете, эдак брутально смотреть на огни
и весь этот ряд русскороковый:
двери, окна, в кармане ключи,

моднейшее худи, наушники плюс сигаретный дым.
Но это уже про ночь, а в сумерках
нужно быть дома,
И именно это знание
я хочу передать молодым.

Ещё я хочу сказать, что выпрошенное доброе слово
уже не является добрым словом.
Ещё я хочу сказать, что нельзя оставлять сломанного,
особенно если он тобою же сломан.

Ещё я хочу повторить, что, если сумерки,
надо бежать в нору.
И чай заварить, и открыть шоколадку
(смотри, заварил и открыл).
И тексты писать дидактичные и суммирующие,
как будто прямо сейчас вот умру,
Но не умирать. А кстати, про сумерки я уже говорил?

Говорил.

М А Г Н И Т

Выпрошенное доброе слово
уже не является добрым словом.
Выпотрошенный диван
в середине Свинтреста злого,
Расселённого и разъехавшегося
в панельки, точней, монолиты.
Я сегодня хочу отвратительного,
я принёс пакет из «магнита».

Выпьем за осень, осень, вот этой вот прям
«изабеллы» из тетрапака.
Не побрезгуем и диваном, вот так, вот так
пакет разорвем и постелим.
Бросим сердца, куриного сердца и лапок
пищей собакам.
Глянь, купил беспонтовые пирожки,
настоящие! тоже разделим.

Ты кому говоришь «выпьем»
и другие истории? ты тут один.
Да когда ты в последний раз
«изабеллу»-то нюхал? заныл? заело?
Аккуратно вставай с дивана
в панельку свою езжай
и сразу под душ иди

металлической щёткой и хлоркой теперь
неудачу, разлитую тут везде,
соскабливать с тела.

N C

Нельзя прекращать поиск,
демонтировать маяки, гасить костры.
Вертолёты над морем зорки и юрки,
Пучки радиоволн остры.
Нельзя останавливаться, я как Кусто
и Сенкевич и Хэм тебе говорю.
Может, уже через год всё закончится, а может,
и к этому ноябрю:

Новембер Чарли взметнётся над мокрой
йодированной пустотой
вынесет каждого/каждую, кто заслуживает, тёплым теченьем
Любая/любой может оказаться именно тем/именно той
и может после момента близости сесть в постели,
горя черенковским свечением,

И голосом не своим, а железным, гулким,
лужёным, натужным:
Ты сделал всё правильно, как и задумано
автором этого шоу
Искал неизвестно что, но упорно, и глянь-ка, меня нашёл
Теперь тебе умирать не нужно.

Повторяю (обычным уже голосом), я та самая (тот самый),
ты меня отыскал, потратил время, душу и силы.
Поздравляю от имени Мироздания,
Тебе полагается дополнительная жизнь.

Теперь же, теперь — забудь,
что я сейчас говорил/говорила,
иди обниму, завтра рано. Точнее, сегодня. Ложись.

ИНТОНАЦИИ

Что-то говорить на незаметном языке полю и ветру
Что-то на языке ветра и поля говорить незаметно
жан поль ветр, например, шептать в пустоту,
ты могуч и гоняешь,
А у меня только непроработанный синтаксис нового языка
и одна лишь

Интонация извинения и просьбы о помощи,
я пока остальные не делал, это же пет-проект
Но держу эти таски в своем планировщике,
вот примерный план, необходимое самое,
на четыреста спринтов, на восемь ближайших лет:

Интонация «ладно, ушёл»
Интонация «хорошо, хорошо»
Интонация «нежность с добавкой жалости»
Интонация «тихие наши шалости»
Интонация «лето одно и то же, осень одна и та же»

—Только не надо туда (в поле и ветер) ходить, пожалуйста
—я и не собирался, не думал даже

В О З Д У Х

Я не знаю, как называется жажда ветра и воздуха —
не удушье, а позитивная жажда
Этот воздух так пахнет, как будто никто из нас ничего не решает
Запах ясен, и ветер так вязок, как будто нам умирать однажды,
И мироздание нас заранее утешает.

Воздух плотен, хоть лентой его магнитной или нитью нейлоновой режь,
Хоть на ярмарке белорусских товаров продавай кубами с машин:
Залезай в середину пробного куба, мой покупатель, дыши,
Поворочайся там, умостись, повыдышивай в кубе брешь.

Я не знаю, всегда так было или только текущим летом —
Ветер-воздух так сладок и густ и малиново-ал на просвет,
Будто юное мироздание просит прощения
(неискренне, но спасибо уже и на этом)
За будущее себя, где места для нас нет.

П О Л Ы Н Ь

И несколько выбранных стихотворений из книги «В ладонях полынь» (Нижний Новгород: Приволжский филиал Государственного центра современного искусства, 2013.)

Ж Е Л Е З О

На морозе лизала железо дважды, в семь и пятнадцать.
В семь понятно зачем (низачем), и сегодня—
в рамках борьбы с ледяным адом.
Только если не веришь полностью, лучше вовсе не браться
даже если губами помочь (а вот этого точно не надо).

Даже если губами тёплыми обхватить шестигранный прут—
всё равно не согреть и кусочка ограды.
только холод, позор перед всей параллелью
отрыв, кровища, травмпункт.

Я Щ И К

если идёшь по дворам района Арбеково-ближнее ночью
не знаешь, куда идёшь или вспоминать не хочешь
через дворы по диагонали, избегая светлых подъездов
(обязательно без наушников, обязательно трезвый)

проясняется: ты не ты, а размазанный тут везде наблюдатель
только что был песочницей, а теперь пластмассовый
красный солдатик
сидящий в каждой песочнице в любом из ее углов
а теперь ты не ты, а в твоей голове находящееся
маленькое НЛО

(даже и вправду можно присесть на бортик
и в темноту посмотреть с высоты полметра
или лежать плашмя под кольцом баскетбольным,
антенны сложив, чтобы их не ломало ветром
ладони подняв, чтобы их охладило ветром)

пластмассовый красный (из песни) солдат Вселенной,
дежурный по ночи апрельской (из песни), точнее смотрящий
маленькое НЛО, преобразующее реальность в текст
и записывающее текст на проволоку в чёрный ящик:
кто-то же должен всё это запомнить, сериализовать,
спасти отсюда наружу.
кажется, что только для этого ты и нужен
нет
кажется, что именно для этого ты и нужен.

Б А К А Л Е Я

Вот люди в исподнем в кухонных окнах
то сядут за стол, то посуду помоют,
То шкафчик откроют и смотрят недвижно,
что там лежит внутри.

По лицам заметно, что люди в исподнем
тоненько тихонько воют.
Ну воют и ладно, воют и ладно.
Ты за них говори.

А стоит ли нам пожалеть того,
кто сам себя не жалеет,
Кто плавает в жёлтом кухонном свете,
прячется в белом теле?

Кто тычет печальную мордочку в банки,
заполненные бакалеей?
Тебе теперь думать,
что эти люди
Сказали бы, если б хотели.

П П Ш

Снимай только самые мрачные хаты, строго первый этаж,
чтоб только что померли жившие тут последние сорок лет.
Меж рамами в кухне должен лежать химический карандаш.
Следи, чтоб колонка не автомат, обои в мелкий букет.

Живи там три года и вырастет вентиль
в поганом шкафу, где стояк,
пробьётся сквозь стопку «роман-газет»
за семьдесят третий год.
крути этот вентиль, вэдешечкой сбрызнув,
и трубы разъедутся так,
что в Нижнюю Праздничную Москву
откроется тайный ход:

Там сетью проспектов в неоновом свете пары идут не спеша,
там сотни дверей и за каждой—
увесистый джаз и вечерние платья.
Туда не пускают в дешёвом костюме, без шляпы и без ППШ,
(Ага, обязательно ППШ. «Томпсоны» там не катят).

К Ю Г У

К югу дворами девятиэтажек
арбековских, белых, сладких.
Собою разламывая дворы
Наискосок, пополам,
По серым дорожкам, сплетающимся
на детских цветных площадках
в стальные узлы, и оттуда
растянутым по углам.

Нет края дворам, хотя мы давно
должны бы достичь Строителей,
и лес пересечь, и выйти к локаторам,
тут заблудиться нельзя.

Но каждый из призрачных этих дворов
мы раньше как будто видели,
И выросли в каждом, выцвели в каждом.
В каждом стоят друзья.

Ведем их с собою. Тут навигатор
показывает определенно
локаторную поляну
в сердце массива лесного.
На самом же деле тут двор, собравший
Тропы всего района,
Знакомый до камня. Я не надеялся
Здесь оказаться снова.

Тут в центре площадки поставлена горка,
Красным и желтым крашена.
Оформленная пустой и гулкой
бабой на чайник.
Стальными листами рыдает горько.
Фанерным кокошником машет нам,
Поскрипывает дощатой юбкой,
по нам скучает.

Тянет к нам руки с рисованным хлебом,
С солонкою многогранной.
Каждому стыдно, что долго не был,
и никому не странно.
Кажется, что мы стали живые,
а были мёртвые.
А еще, что она нас сейчас соберет
и домой унесёт.
Вспоминаю, что в юбке отодвигается
вот эта доска, четвёртая;
Голова пролезла, значит,
пролезет всё.

П Р О М З О Н А

1) это железнодорожная ветка, прорастающая в тихое, сонное,
в бетонные оболочки клеток, составляющие промзону,
где АТП и склады, где люди и механизмы медленные,
облупившимися ржавыми гаражами
ветка облепленная.

2) а это, в крашенных самым поганым рыжим
гулких кривых гаражах
серые, сросшиеся, неразличимые
вещи лежат

3) а это канава с осокою,
4) а это тоска высокая

5) Это вот я растворяюсь. На шпале
связку ключей найдут.
шепчет промзона «исчезнешь, развеешься»
я не уйду, я тут
С вами останусь, гордо и медленно
реять (витать, кружить),
жирные лужи,
серые доски,
ржавые гаражи.

П Л О Щ А Д К А

Так и стоишь на осенней площадке
для выбиванья ковров
так и забыл, что хотел купить
(или просто выбрасывал мусор)

Трогаешь добрые морды
сырых деревянных бобров.
Ножка гриба над песочницей
Выполнена из бруса.

Выполнен ты из мяса,
кости, хитина, гноя.
Ветер в ветвях разнёс
помещение детского штаба.

Мимо прошелестело
солнечное, родное.
Мимо и до весны.
Не поймал, так вдохни хотя бы.

К У Л Ь Т У Р А

Мраморная крошка составляет 60-80 процентов объёма пола,
остальное цемент, иногда с пигментом, в нашем случае красным.
В поликлиниках часто встречается, в кинотеатрах и школах.
Вот и с этим холлом дома культуры более-менее ясно.

Убедимся, что мы не ошиблись: ну да, в туалете
частично утраченные, замазанные раствором, стеклоблоки зелёные.
Убедимся повторно: на стенде у входа конкурс «рисуют дети»:
Все рисунки о том, как массово гибнут фашисты:
пешие, мотоциклетные, конные.

карандашные взрывы фашистов выбрасывают из картины,
но они пришиты к листу огненными пунктирами.
Местный ВИА почти дописал и уже вовсю репетировал
рок-оперу «Маленький принц», судя по нотам и текстам.
Дом культуры как Дом культуры. Предсказуемое место.

Ладно. Ключ отнесём на вахту, сигнализация, но сначала шторы задёрнем.
План ДК не снимаем, он типовой. Всё фиксируем, ничего не уносим.
Два вопроса осталось:
Во-первых, это здание, из восемьдесят второго года выдернутое с корнем,
как попало на астероид L-девяносто восемь?

Может, просто оно тут из пыли и звёздного света самозародилось случайно?
Или кто-то его специально тащил в середину жёлтой пустыни?
Во-вторых: у вахтёрши в каморке стоит
алюминиевый электрический чайник.
Он бездонный и непроглядный внутри, а снаружи
горячий, и никак не остынет.

ИПРИТ

Когда-то все вещи на белом свете
делали сразу надолго.
Из крепкого дерева, теплой меди,
кожи, стекла и шёлка.

Снаружи крепили медную планку,
где кислотой травили:
кто делал огранку, кто вышил изнанку,
Строчку смешных фамилий.

(Конечно, я знаю, что это жлобство:
«взял в руки и маешь вещь».
Я сам ничего своего не сберег
и не собираюсь беречь.
Но линзы и литеры в черных футлярах!
Только о них тут речь).

Но позже прогресс и новейшие важные
опыты показали,
Что вещи живут неприлично протяжней
ломких своих хозяев—

Стоит себе цацка и, лаком сияя,
играет свою «рио-риту»,
Тогда как хозяин скукожился в яме,
нахапавшийся иприту.

И каждый с тех пор понимает как жлобство
фразу про «маешь вещь».
Зачем тебе вещи, когда ты не можешь
себя и своих сберечь?
(А старые медные штуки прекрасны—
только об этом речь).

Н А С Т

Вырезали кубический
километр пустого пространства,
Дно выстилаем плитами
белого пенопласта,
Это у нас получилась
заснеженная равнина
С лёгким наклоном к условной речке,
С твёрдым неровным настом.

Ёлок добавим чёрных,
звёзд наберем неярких,
Надо людей теперь
выпустить из гримёрки,
Чтобы сюжет пошёл
новогодний, весёлый, долгий.
Первый кузнец, второй,
участковый и три доярки.

Как это будет шумно,
Суетно, тошно, долго.
Слышишь, они и в гримёрке уже
бьются, галдят, не ладят.
Можно, мы их не пустим?
Сами, на звезды глядя,
Снегом бесшумным синим
ляжем на ёлки, ёлки.

Г И Л Ь З А

Каждый, кому по какой-то причине сегодня плохо,
пусть этой ночью увидит светлый спокойный сон:
медленный, скажем, день, полный полыни
(куда без полыни)
и чертополоха,
брошенных металлоконструкций, раннего сентября,
древних промзон.

— как настроение?
— ровно :)
— где ты?
— похоже, нигде
— чем занимаешься?
— стою у костра, запаленного на рассыпающейся
бетонной плите.

(Эту занятную гильзу оставлю себе, потому что —
ведь я же ее нашёл?
рядом стоят и смотрят на небо — все восемь,
я посчитал — любимые люди
радуюсь, глядя на них — все живы, всё молча, всем хорошо;
и не могу поверить, что завтра из них никто
этот мой сон
даже помнить не будет).

В Е Р В О Л Ь Ф

Ближнее Подмосковье, дом на краю посёлка.
Кто там пошёл за водкой? Кто побежал за кровью?
кто превратился в волка? Зыбко всё и нечётко.

Ночь и восточный ветер,
ивы, вода и тина
в лунном неярком свете.
Тени черны и длинны.

Ближнее Подмосковье, первая электричка
курсом на Павелецкий.
Кто обернулся клерком, менеджером-логистом,
в тамбуре курит винстон.
Что ему делать, волку с фенечкой на запястье?
бегал всю ночь, а толку.
Хочется спать и плакать; осень, тоска и слякоть;
привкус железа в пасти.

ЗАТО У МЕНЯ

Зато у меня есть что-то, чего никто не отнимет.
Правда, никак не схвачу словами — не поддаётся.
В последний раз почти получилось последним вечером лета,
когда я шёл на углу Тернопольской и Рахманинова
мимо мусорных баков, где новый дом.

Вспомнил какую-то степь, пыль и полынь, родное нехитрое имя;
и там тоже были тряпки и доски у серой дороги
под жёлтым солнцем.
И, как бы сказать. Так много прохладного воздуха и тёплого света,
что не оставалось ни места для наблюдателя,
ни необходимости в нём.

С тех пор я хочу научиться писать прозрачные тексты,
в которых нет ни субъекта, ни духа его, ни тени;
лишь общие описания статичных сцен с небольшим пересветом,
неконкретные прилагательные, неточные серые рифмы,
никаких вообще глаголов.

Чтоб в этих ландшафтах никто не сумел найти себе места,
как, помните, в доктора Филина масленичной картине;
чтоб каждый понял и принял, что нигде ему места нету:
реальность округла, обла, озорна, гладка, объективна
без зацепок — для нас,
без щелей — для нас,
без разрывов, склеиваний, проколов.

М Е Х А Н И З М Ы

Целый день сегодня механизмы смазывали:
проворачивали ломом шестерни,
плюхали солидол горстями.

Обрабатывали метиленовым синим
воспалённые скважины газовые,
обменивались с управляющими щитами
свежими новостями.

В баллонах остался воздух. Обновляя стенные метки,
вдоль Большого Кардана идя, успели добраться
до слюнных желез на минус втором этаже.

Там всё высохло: залили свиною кровью и натром едким;
устье, ясно, открылось, но тут пробило семнадцать—
предпраздничный день.
Внутрь пойдём после майских уже

С М Р Т

1.
Полик ли подметаешь, сёстры, жалеешь ли муравьишку,
братцы—
пишешь на самом деле всегда об одном и том же,
стараешься явно не обозначать, хотя непонятно,
зачем стараться,
это же всё равно у любого текста под тонкой кожей:

смерть как прекращение существования белкового тела,
смерть как тихое мягкое лёгкое слово, написанное
по снегу мелом.

2.
Тут все ребята посёлка оказались
на одном пустыре у завода.
Начали строить это из битого шифера, ломаного горбыля,
палок каких-то, сучьев.
Вроде, с одной стороны, это как бы постройка,
только без входа.
Или, с другой стороны, контрабас,
только очень корявый, а также беззвучный.
Или просто кусок пространства, неважно чем
вырезанный из остального—
горбыль так горбыль (ну красивое слово),
шлакоблоки так шлакоблоки.

Каждый пальцами чувствовал, как и куда приладить
кирпич, картонку, брусок сосновый.
Но никто не знал, что должно было получиться
и получилось в итоге.
Тут подошел водитель КАМАЗа и сел перед нашим костром:
«Ребята, да вы же построили смерть
в масштабе один к сорока трём».

3.
также должен заметить, что в дни отвратительной ясности,
ненависти или (забавное слово) уныния
мне подают пример и надежду предметы и существа,
вынужденно ставшие крайними:

Птицы, являющиеся узлами невидимой конструкции,
не дающей небу схлопнуться в линию;
Ящик, сдерживающий напор земли четырнадцатью
(я посчитал в уме и мог ошибиться)
гранями.

UNDER CONSTRUCTION

Вот в такие уютные тусклые дни
мне не жалко домашних страниц
на «народе», заброшенных under construction
в две тысячи первом,

и хозяев страничек не жалко,
фотографий их кошек и птиц,
Их болванок, уже нечитаемых.
Им и не надо, наверно.

Нет, напротив — тихая радость за тех,
кто не тащит всё за собой.
и за тех, кто когда-то прощенья просил —
и кого, не простив, забыли.

За болванки — покрытые листьями,
паутиной, суглинком, пылью,
растворяемые природой —
с завершённой счастливой судьбой.

Эти дни специально чтоб мусор пинать,
чтоб смотреть круги на воде,
чтобы с радостью ощутить и привыкнуть:
«я никогда нигде».

С И Н И М

Мысленно войдём в эту маленькую комнату
— детскую, ковровую — в уютной хрущобе.
Вот стоят кассеты, вот постеры приколоты
с группой «Чёрный кофе». Печально? Ещё бы.

Дети разбежались, не забрали Спрингстина:
в семьях у детей в проводах интернет.
Из бессветной комнаты мы выходим мысленно
через дверь закрытую на кухонный свет.

Дети не забрали «Вегу» двухкассетную
Усилитель «Бриг», эквалайзер «Прибой»
Мысленно покинем комнату бессветную
Протекай под дверью, я за тобой

Только за спиной твоей, в двухкассетной «Веге»,
под лентопротяжкой, в одной из пустот —
что такое дышит, выпускает побеги,
позвякивает, светится синим, растёт?

Д Е С Т Р У К Т О Р Ы

Запомни, пожалуйста, главное — мы тут были.
И я не прошу о подробностях — слова, фотографии,
как мы на ощупь —
А просто: вот были такие
и поодиночке сплыли.
Чего уж проще.

Я просто немножко боюсь
потеряться при свёртке стека —
а так и случится с каждым,
кого никто не припомнит —

Когда нас потянут из кладбищ, блогов,
из пыли в коврах наших съемных комнат
цепочкой деструкторов
Для жизни грядущего века.

Э Н Т Р О П И Я

С каким мудаком ни едешь в купе, а послушай его
и всё ему расскажи.
Любой человек прекрасен хотя бы тем,
что тёпл человек, разговорчив, округл и жив.
Не просто же так именно этот вот скучный сосед
дан тебе в ощущениях.
Да, это оно и есть, называется
«роскошь человеческого общения».

И то, что его не засыпало снегом в палатке в обнимку
с трупом твоим твёрдым,
и то, что тебя не засыпало чернозёмом в окопе вдвоем
с половиной его трупа,
так это считай Мироздание и Провидение, сёстры-близняшки,
любят тебя и целуют тебя в морду
и за уши треплют, и чешут загривок — ласково-весело-грубо.

(А люди лучше всего смотрятся не в окопе, не в беге
и не в казенной вагонной постели,
а лучше всего они смотрятся,
когда с энтропией бьются:
когда, например, становятся к мойке, чтоб вымыть вилки,
накопленные за неделю,
а также чашки и блюдца.

и жмётся под мойку испуганное Неустройство Всего,
ему там никак не устроиться
и капает едкое фейри на шкурку его,
и кран с кипятком никак не закроется.

никто не отпустит теперь из-под раковины
ощетинившийся мировой хаос,
не оставит его в покое.
вот так человек на минуту становится богоподобен,
он создаёт Порядок
железной рукою).

Да даже когда в вагоне сидит и семки грызет,
всё равно это лучше,
чем если б его вообще не произошло.
ведь он, например, занимает объем,
который при прочих раскладах могло занимать
какое-нибудь абсолютное зло.

поэтому надо наушники вынуть,
когда путешествуешь в поезде,
с полки своей спуститься
и за жизнь с человеком перетереть.
пока не окоп,
пока не лавина,
пока из-под полки не вылезло всякое
и не устроило тут и потом везде
тепловую смерть.

Ё Ж И К

В лесу стоит громадный ржавый Танк
И вся живая тварь его боится.
Он плачет под бронёй: — Ну как же так?
За что мне выпало Машиною родиться?

Тут Бог к нему подходит: — Так-так-так...
Иголки, нос, живот, две пары ножек..
Иди, не плакай. Вовсе ты не Танк,
Ты — Ёжик.

А. Александров. Выйти из башни . 3

ЛОКАЦИИ
Физическое лицо 5
Кабачково-яблочный язык . . 6
Пианино «Нега», гитара «Истома» . 7
Не то чтоб себя, а такое . . . 8
Натечёт буроватый парфюм . . 9
Соскобы помады с кожи . . . 10
Дней восемь или десять . . . 11
Обещанные приключения . . 12
Грейферный ковш 13
Как это будет 14
С невесомыми рюкзаками . . 15
Как связаны эта машина и этот дом 16
Представляю себе этот цикл . . 18
Противогазы на целую школу . . 19
Всё 20
Таблица вещей 21

ЗЕМЛЯНОЕ
Оберег 22
Земляное 23
Дженнифер 24
В мантию 25
Рыть её 26
Труба 27
Медленно доходило 28

КНИГА ЖАЛОБ, Т.2
Грамоты 30
Крона 31
Поселились в поле роботы . . 32
Новоленино 34
Невермор 35
Главное в детском саду . . . 36
Чейз 37
Теперь упади в болезнь . . . 39
Штабик 40

КРАЕВЕДЕНИЕ
Ауди 41
Лента 42
Сортировочная 43
Краевед 44
Вилы 46
Жесть 47
Запрудный 50
Рулон 52

ПРЕКРАСНОЕ (ДАЛЁКО)
Собакам 54
Квадрокоптер 55
Робототехника 56
Полковник Сандерс 57
Лейз 58
Зябликово 59

ЛЮДИ ЛУЧШЕ ВСЕГО
Наблюдатель 60
Пальто 61
Запихивать в мясорубку . . 62
Дом в лесу 63
Солярис 64
Аллеи 65

СЕКРЕТИКИ В ТЁПЛОЙ ЗЕМЛЕ
Аттестат 66
Не уходи из песочницы . . 67
Посёлок 68
Парковка 69
Темп 70
Ёлка 72

ДИДАКТИЧНЫЕ И СУММИРУЮЩИЕ ТЕКСТЫ
Башмачок 73
Чётко 74
Сумерки 75
Магнит 76
NC 77
Интонации 78
Воздух 79

ПОЛЫНЬ
Железо 80
Ящик 81
Бакалея 82
ППШ 83
К югу 84
Промзона 86
Площадка 87
Культура 88
Иприт 89
Наст 90
Гильза 91
Вервольф 92
Зато у меня 93
Механизмы 94
Смрт 95
Under Construction 97
Синим 98
Деструкторы 99
Энтропия 100
Ёжик 102

Владимир Навроцкий
БАШНЯ ИЗ БЕЛЫХ СТИРАЛЬНЫХ МАШИН

Дизайн и вёрстка: Дмитрий Макаровский

Дизайнер обложки: Вероника Краснянская

Подписано в печать 18.02.2019. Печать цифровая. Тираж 200 экз.
Формат 60×90/16. Объем 6,5 усл. печ. л. Заказ № 0000.